

ДИХОТОМИЯ “ВОСТОК – ЗАПАД”: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ И АНТИТЕЗЫ

Э.Ж. Усекеев

Динамизм Запада и консерватизм Востока как черты культурного различия рассматриваются в статье в связи с феноменом власти, как различное понимание и пути достижения основополагающей ценности обеих цивилизаций – стабильности. Анализируя истоки данной дихотомии, автор, в конечном итоге, выходит на вопрос системы властных отношений в современном мире и их роли в цивилизационных процессах.

Ключевые слова: дихотомия, антитеза, власть, демократические институты и нормы, гражданское общество, государство, цивилизация, динамизм, стабильность.

Дихотомия “Восток – Запад”, каждый элемент которой обладает значительными формальными и сущностными различиями, рассматривается

как отношение своеобразных цивилизационных противоположностей, антитез. Так, Западу присущи индивидуализм, высокая развитость института

частной собственности, на базе которого в течение веков формировалась ценностная база с характерной для нее высокой автономией личности, наделенной соответствующими правами и свободами. Востоку же, напротив, длительное историческое время были присущи сравнительно слабая степень автономии личности, осязаемое преобладание коллективистского духа над индивидуализмом, относительная неразвитость правовых институтов, прав и свобод граждан, и за всем этим стояла высокая степень огосударствления собственности, этатизм. Государство на Востоке почти всегда было всевластно, на Западе же оно было ограничено правом. При том, что для обеих цивилизаций основополагающей ценностью являлась и является стабильность. На Востоке она достигалась главным образом за счет консервации традиционных форм жизни, общественных и государственных институтов, на Западе же стабильность достигалась ценой постоянного развития, “раскручивания” динамического элемента цивилизации.

Динамизм был унаследован европейцами от античной цивилизации, которая, в свою очередь, обрела способность к ускоренному развитию благодаря главным образом двум факторам: во-первых, своей синтетической природе, т. е. усвоению элементов других культур (кроме собственно греческой и итальянской, а также египетской, финикийской, карфагенской и мн. др.), и, во-вторых, благодаря значительной военной мощи, позволившей в свое время Александру Македонскому раздвинуть пределы империи вплоть до Индии, а Риму – подчинить себе большую часть Европы, что в значительной мере предопределило развитие европейской культуры в целом.

Так, “образование не было римским изобретением, – писал В. Дюрانت, – но Рим развил его в масштабах, немыслимых прежде, обеспечил ему государственную поддержку и сформировал учебную программу... Его язык... стал речью Италии, Румынии, Франции, Испании, Португалии и Латинской Америки... После того, как христианство покорило Рим, ... побежденный Рим покорило своего победителя” [1]. Таким образом, античная культура была не только в значительной мере возрождена в более поздние эпохи, но, по сути, определила направление, характер и, что очень важно само по себе, темп развития европейской цивилизации.

Именно благодаря данному темпу европейские народы и государства, сталкиваясь с проблемами, имеющими универсальный характер, в том числе в системе власти, преодолевали их раньше, чем это делали другие народы и государства. Так, И. Кант еще в середине XVIII века, серьезно обес-

покоенный проблемой злоупотребления властью, писал: “Ведь каждый облеченный властью всегда будет злоупотреблять своей свободой, когда над ним нет никого, кто распорядился бы им в соответствии с законом... Что эта проблема решается позднее всех, следует еще из того, что для этого требуются правильное понятие о природе возможного государственного устройства, большой, в течение многих веков приобретаемый опыт и, сверх того, добрая воля, готовая принять такое устройство” [2]. Однако, каким бы сложным ни было данное дело, европейцы приступили к его осуществлению раньше других народов и добились заметных результатов через воссоздание демократических норм и институтов; во многом благодаря наличию данной базы европейский мир добился значительных успехов в строительстве гражданского общества.

Термин “гражданское общество” был введен еще Аристотелем, подразумевавшим под ним сообщество свободных и равных граждан, связанных между собой определенной формой политического устройства (в Древней Греции – государство-полис). В XVII–XVIII веках идея гражданского общества противопоставлялась абсолютистско-феодальному государству. В настоящее время понятие “гражданское общество” означает совокупность отношений в сфере экономики, культуры и других сферах, развивающихся в рамках демократического общества независимо, автономно от государства. Развитое гражданское общество с необходимостью предполагает существование широкого круга демократических прав и свобод членов гражданского общества.

В любом обществе свобода каждой отдельной личности зависит, во-первых, от уровня свободы, достигнутого обществом в целом по отношению к природе и к самому себе, и, во-вторых, от ее персонального участия в общественной свободе, мерой которой является свобода другой личности, сопоставляемая с первой [3]. Сообразно такому пониманию свободы ее оценка определяется тем, какого реального уровня в своем развитии достигло общество, а также тем, каким образом распределяются возможности и свобода между отдельными его индивидами. С другой стороны, и уровень свободы, достигнутый обществом, и личное участие каждой личности в общественной жизни в целом определяются характером и уровнем культуры общности, образующей государство.

Благодаря именно динамической составляющей культурного развития, Запад, получив определенные преимущества перед другими культурами и цивилизациями, стал доминировать в современ-

ном мире и “предлагать” другим народам и культурам в качестве образца не только собственные ценности, но и институты, учреждения, формы правления и т. д. Этим, собственно, объясняется, к примеру, тот парадоксальный на первый взгляд факт, что в Кыргызстане уже в течение двух десятилетий ведется строительство гражданского общества, т. е. того, что является продуктом именно западной цивилизации. Существующие в настоящее время в Кыргызстане правовые институты и законы также являются не только по сути, но и по многим формальным признакам вариантами институтов и законов западного либо советского образца, который также имеет своим непосредственным источником западное право. Данное утверждение одинаково справедливо и к институтам власти, которые нельзя произвольно отделить и рассматривать вне связи с юридическими институтами и нормами.

Динамизм, являвшийся несколько последних веков (а именно с момента установления капиталистических производственных отношений в ряде европейских государств) прерогативой западной цивилизации, в условиях процесса глобализации воспринят большинством современных государств, по сути, как безальтернативная форма дальнейшего развития. Однако народы и государства, принадлежащие к различным цивилизациям, с разным успехом способны осуществлять свое ускоренное развитие. Не последнюю роль при этом играет система властных отношений или, в более общем виде, культура власти, являющаяся органической частью культуры в целом. Данное обстоятельство позволяет нам рассматривать феномен власти в тесной связи с другими общекультурными феноменами.

В начале XX в., когда экономическое, техническое и общественно-политическое доминирование Запада над другими цивилизациями стало более чем очевидно, Н.А. Бердяев писал: “Всемирная история окончательно переносится с Востока на Запад, и народы Востока, которые дали первые страницы истории человечества, создали первые великие культуры и были колыбелью всех культур и религий, как бы выпадают из всемирной истории. Восток делается все более и более статичен. Динамическая сила истории целиком переносится на Запад. Христианство вносит исторический динамизм в жизнь западных народов. Восток уходит внутрь и сходит с арены всемирной истории” [4].

Становится важным установление того, что и каким образом способствует ускоренному развитию. Опыт современной Японии демонстрирует, что “секрет успеха страны как промышленной державы заключается в общинном характере функциональных групп в рамках общества” [5, с. 117].

Независимо от того, верно или нет утверждение, что успех Японии как промышленной державы заключается в общинном характере функциональных групп, очевидно, что культурной основой японского экономического могущества не является либеральная система ценностей, на которой выстраивался западный капитализм. Более того, как указывает В. Симхович, “сознательное обращение политической верхушки к отдельным элементам феодального наследия при решении возникающих проблем часто оценивается как ключевой фактор современного развития Японии, когда в сравнительно короткий период произошел быстрый и относительно безболезненный переход от отсталой страны к ведущей промышленной державе” [5, с. 118]. Приблизительно то же самое происходило и в Южной Корее. Как пишет американский ученый корейского происхождения Донсунг Конг, “наиболее важным фактором успеха экономического развития Южной Кореи стал патернализм, когда народ сплотился для достижения коллективной цели общенационального благосостояния” [6]. Кроме того, “на ранних этапах индустриализации Южной Кореи бюрократический аппарат обладал большими профессиональными знаниями, чем многие другие социальные структуры. Быстрая индустриализация стала возможной в результате этих знаний в условиях авторитарного правления, которое было приемлемым для стадии экономического подъема”. Интенсивное экономическое развитие и обусловленное им осязаемое улучшение условий жизни, относительно высокий уровень благосостояния населения обеих государств привели к значительной либерализации общественно-политической жизни.

Япония и Южная Корея значительно преуспели в строительстве гражданского общества, хотя оно не отменило и не подменило собой целиком многие культурные элементы, возникшие еще в недрах феодального общества. Особенно это касается системы властных отношений, а вернее, этики власти и подчинения. Так, общеизвестна безукоризненная исполнительность японцев и корейцев, четкая и строгая субординация во взаимоотношениях. Таким образом, капиталистические формы хозяйствования, основывающиеся на меркантильных началах, буржуазном праве, предпринимательстве и либеральных идеях западного происхождения, были весьма эффективно освоены на традиционной системе ценностей, предшествующем историко-культурном феодальном опыте.

Как известно, такой сложный и противоречивый социально-политический феномен, как государство и связанные с ним институты власти давно были известны и в Азии. В IV в. до н.э., т. е. прак-

тически одновременно с Платоном и Аристотелем, в Древнем Китае был написан один из наиболее известных восточных трактатов о власти – “Книга правителя области Шан”, в которой в частности отмечается: “Порядок в государстве достигается тремя путями: законом, доверием, властью. Закон – то то, чего сообща придерживаются правитель и сановники. Доверие – это то, что сообща устанавливают правитель и сановники. Власть – это то, чем распоряжается правитель”. Достаточно близко по времени с “Книгой правителя области Шан” в Древней Индии был написан трактат “Артхашастра, или Наука политики” (другое название книги – “Наука о государственном устройстве”), одной из основных проблем в котором также была проблема власти. В трактате были выделены четыре главные, по мнению его составителей, области знания, а именно: “...философия, учение о трех ведах, учение о хозяйстве, учение о государственном управлении”, при этом в трактате дается описание идеала государя, который должен быть “в высшей степени энергичным, не имеющим обыкновения медлить, господином своих вассалов с сильной волей, не имеющим в своем окружении лиц негодных...” [8].

Проблемы разумного государственного устройства и власти были также предметом анализа отдельных мыслителей Востока, в частности, Лао-Цзы (VI–V вв. до н.э.) и Конфуция (551–479 гг. до н.э.), основателей, соответственно, даосизма и конфуцианства. Оба они выстраивали свои учения на основе “дао” (“пути”), по которому, по мнению обоих философов, должен следовать идеальный муж (человек). Ибо, следуя по нему, он накапливает в себе “дэ” (силу-добродетель), способную упорядочить Поднебесную (общество). Однако в вопросе, каким именно должен быть идеальный муж, философы придерживались различных мнений, подчас прямо противоположных. В качестве такового у Лао-Цзы выступает “совершенно-мудрый”, строго придерживающийся принципа недеяния. Он должен постоянно и сознательно отказываться от усилий и целенаправленных действий, способных нарушить существующий, сложившийся естественным образом порядок вещей и течение дел. Если данный принцип распространить на политическую реальность, то в первую очередь он может означать непротивление власти, четкое и неукоснительное следование ее предписаниям.

Заметную роль в развитии политической мысли Востока сыграло учение Конфуция, который, основывая свое учение на традиционных воззрениях и системе ценностей, развил патриархально-патерналистскую концепцию власти и государства,

согласно которой власть правителя сродни власти отца. Соответственно, отношения власть имущих и их подданных должны выстраиваться подобно семейным отношениям, когда младшие, зависящие от старших, обязаны подчиняться последним. Будучи сыном своей эпохи и типичным представителем своей страны, Конфуций был убежденным сторонником аристократического правления, когда народ полностью должен был быть отстранен от управления государством. При этом правитель должен обеспечить ненасильственные методы правления, которые были возможны только в том случае, если управляющие и управляемые выстраивали взаимоотношения на основе добродетели. Характерно, что регулирование политических отношений посредством норм добродетели в учении Конфуция четко противопоставлялось управлению на основе законов. “Если, – писал Конфуций, – руководить народом посредством законов и поддерживать порядок при помощи наказаний, народ будет стремиться уклониться (от наказаний) и не будет испытывать стыда. Если же руководить народом посредством добродетели и поддерживать порядок при помощи ритуала, народ будет знать стыд, и он исправится” [9].

Власть в учении Конфуция, как, впрочем, в китайской философии в целом, представляет собой более гибкое явление, чем она предстает в европейской теоретической мысли в рассматриваемый нами период. Конфликтам китайские мыслители явно предпочитали соглашения, столкновениям – компромиссы. Идеал властвования по-китайски, для которого необходимо, конечно, создать соответствующие условия, можно выразить следующими словами: “Победить, стараясь избежать открытого конфликта”. Данный идеал, будучи подкрепленный соответствующими теоретическими выкладками, отражает в целом китайскую культурную традицию и китайские ментальные черты, что дает нам основание считать, что специфические оценки, отношение и конкретные формы реализации власти в целом определяются историко-культурными и ментальными чертами этноса, который организует соответствующие институты власти.

Именно универсальное в феномене власти делает в принципе возможным заимствование не только опыта и форм правления, но и целых политических институтов и соответствующих им правовых форм и институтов, если в этом существует действительная необходимость. С другой стороны, собственный исторический опыт, культурная и ментальная специфика какой-либо общности накладывают отпечаток не только на ее властные и политические формы и институты, но и на то,

как быстро и эффективно, с какими конкретными издержками данная общность может освоить иные политические формы и институты. В современном Кыргызстане идет развитие гражданского общества с соответствующими ему демократическими институтами и формами. Мы полагаем, что рано или поздно нам удастся это сделать хотя бы потому, что поступательное движение человечества не оставляет иного выбора; принципиальным здесь может быть только следующее – рано или поздно это осуществится и с какими конкретными издержками, что, в свою очередь, зависит в целом от цивилизационной специфики кыргызского народа.

Благодаря динамической составляющей культурного развития государства Запада стали доминировать в современном мире и “предлагать” другим народам в качестве образца собственные ценности, а с ними и институты, учреждения, формы правления и т. д. Этим объясняется, в частности, тот факт, что в Кыргызстане в настоящее время строится гражданское общество. Существующие в настоящее время в Кыргызстане правовые институты и законы также являются вариантами институтов и законов западного образца. Данное утверждение одинаково справедливо и относительно институтов власти.

Динамизм, являвшийся с момента установления капиталистических производственных отношений в ряде европейских государств прерогативой западной цивилизации, в условиях процесса глобализации воспринят большинством совре-

менных государств как безальтернативная форма дальнейшего развития. Однако народы и государства, принадлежащие к различным цивилизациям, способны с разным успехом осуществлять свое ускоренное развитие. Не последнюю роль при этом играет система властных отношений, или (в более общем виде) культура власти, являющаяся органической частью культуры в целом. Данное обстоятельство позволяет рассматривать феномен власти в тесной связи с другими общекультурными феноменами.

Литература

1. *Дюрант В.* Сочинения. М., 1961. С. 720–721.
2. Антология мировой философии. М., 1971. Т. 3. С. 190–191.
3. *Рабинович П.М.* Социалистическое право как ценность. Львов, 1985. С. 101.
4. *Бердяев Н.А.* Смысл истории. М., 1990. С. 96.
5. *Симхович В.* Истоки современной японской системы управления // Проблемы теории и практики управления. 2002. № 6.
6. *Донгсунг Конг.* Южная Корея: какая инфраструктура обеспечит эффективное государственное управление // Проблемы теории и практики управления. 1998. № 1. С. 66.
7. Книга правителя области Шан. М., 1993. С. 196.
8. *Артхашастра, или Наука о политике.* М., 1993. С. 284.
9. История политических и правовых учений. М., 1995. С. 28–29.